

ПРОБЛЕМА ПРАВ И СУБЪЕКТНОСТИ ПРИРОДЫ

В.И. ФАЛЬКО, проф., зав. каф. философии МГУЛ, канд. филос. наук,
Р.Р. ЛУКМАНОВ, асп. каф. философии МГУЛ

vfalco@yandex.ru

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет леса»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1, МГУЛ

Идеи защиты природы и партнерских отношений человека и природной среды ставят вопрос о ее правах и субъектности. Юридическое понятие правосубъектности неприменимо к природе и поэтому исключает наличие у нее прав и партнерских отношений с ней. Научный объективизм, являющийся основой антропоцентризма, также отвергает идею субъект-субъектных отношений человека и природы и защиту ее прав. Натуροцентризм, уравнивающий человека с природными явлениями, отрицает субъектность самого человека. Эти крайности сходятся в техноцентризме и экоэтическом нигилизме, снимая с человека ответственность за природную среду. Позиция авторов опирается на альтернативные подходы: теоцентризм в философии и морали, экоцентризм в экологической этике, антропный принцип в науке, концепцию глубинного общения Г.С. Батищева и понимание субъекта С.П. Никаноровым как пары, состоящей из субъектности и ее носителя в лице человека или сообщества людей. Основные идеи авторской концепции: 1. Природа в целом заключает в себе человека как носителя субъектности и предстает исходным и всеобщим реальным субъектом мирового процесса. 2. Человек может рассматривать природные объекты и системы как якобы являющиеся носителями субъектности и могущие быть субъектами, и, на основе этой методологической постановки, вступать с ними в партнерские отношения. 3. Субъектность может принадлежать как ее носителю, так и атрибутам человека и общества или объектам их деятельности. 4. Объект сам по себе обладает лишь виртуальной субъектностью, перенесенной на него человеком, и является мнимым субъектом. 5. Субъектность, перенесенная обратно с объекта на носителя, делает последнего объектом, придатком бессубъектной самодельствующей системы. 6. Традиционное понимание юридической правосубъектности природы не означает отсутствия у нее способности к правообладанию и субъектности вообще. Ответственным субъектом этих прав и свобод выступает человек как носитель субъектности.

Ключевые слова: теоцентрический и экоцентрический подходы, субъектность, носитель субъектности, антропный принцип, концепция глубинного общения.

Идеи защиты природы и партнерских отношений человека и природной среды ставят вопрос о ее правах и субъектности. Юридическое понятие правосубъектности неприменимо к природе и поэтому исключает наличие у нее прав и партнерских отношений с ней. Научный объективизм, являющийся основой антропоцентризма, также отвергает идею субъект-субъектных отношений человека и природы и защиту ее прав. Натуροцентризм, уравнивающий человека с природными явлениями, отрицает субъектность самого человека. Эти крайности сходятся в техноцентризме и экоэтическом нигилизме, снимая с человека ответственность за природную среду.

Можно, однако, выделить, по крайней мере, два типа мировоззрения, которые допускают субъектность и права природы. Это *теоцентризм*, предполагающий соработничество человека и Бога в овладении природой, взаимную любовь человека и природы, и *экоцентризм*, заключающий в себе идеал гармонии общества и природы, партнерских отношений человека и природной среды.

Отношение к субъектности человека и природы составляет основу различения типов экологического мировоззрения. На рисунке приведено графическое и символическое отображение типологии экологических воззрений, модифицирующее и дополняющее схему, опубликованную в предыдущих статьях одного из авторов настоящей работы, в том числе в этом журнале [1].

Типология дополнена полицентрическим мировоззрением, сочетающим черты моноцентричных воззрений и альтернативным ацентризму. Эти два типа экологического мировоззрения еще недостаточно теоретически осмыслены, однако можно предположить, что полицентризм, в тех или иных своих разновидностях, допускает субъектность природы. Ацентризм же, если признает субъектность и человека, и природы, по существу, совпадает с полицентризмом.

Может возникнуть сомнение в отношении признания субъектности природы в теоцентрическом мировоззрении, поскольку на схеме природе соответствует символ **О**. Но в христианстве и других монотеисти-

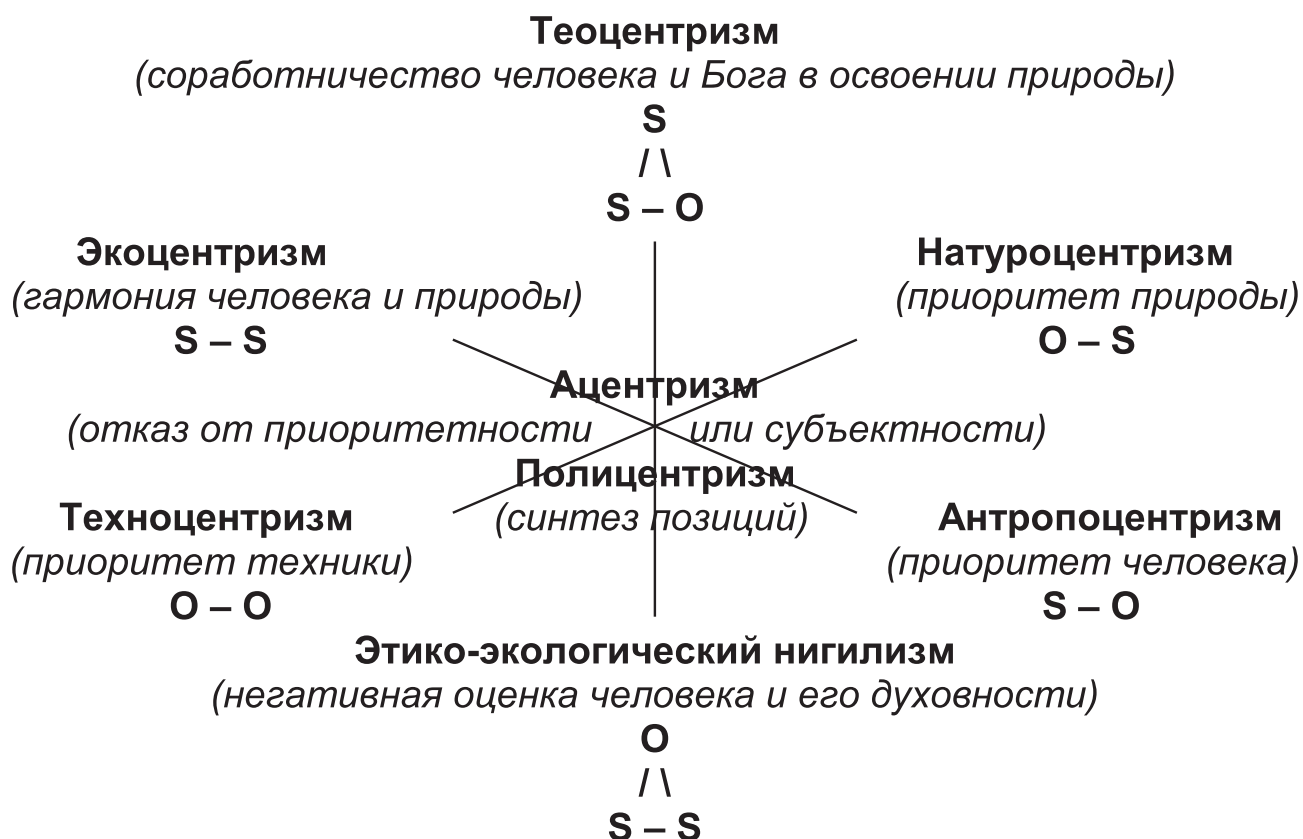

Рисунок. Типология экологических воззрений: S – субъект, O – объект
Figure. A typology of environmental views: S – entities, O – the object

ческих религиях Бог Творец воплощается в своем творении, в человеке и природе. Наделив человека даром свободы воли, Бог, тем самым, создает предпосылки для того, чтобы человек стал субъектом. Воплощенный в природе, Бог делает ее не только объектом своего правления миром, но и всеобщим субъектом происходящих во Вселенной естественных процессов.

Неверно было бы и полагать, что такое толкование монотеистического мировоззрения, в котором субъектность может быть присуща и Богу, и человеку, и природе, превращает его в полицентризм. Свобода воли Творца абсолютна, свобода же воли человека тварна и относительна, а свобода в природе потенциальна, ее носителем является Бог. Поэтому, усматривая субъектность в человеке и природе, мы не вступаем в противоречие с монотеизмом. Это не означает, правда, что все теологи и религиозные философы, придерживающиеся монотеистической веры, признают субъектность природы, но это предмет отдельного разговора.

Как возможно экоцентричное мировоззрение, не основанное непосредственно на монотеизме? Исторический анализ формирования типов экологических воззрений показывает, что нерелигиозный экоцентризм имеет опосредованные истоки в монотеизме, подобно тому, как светская этика основана на религиозной. Обращение к истории философии дает образцы такого мышления, которое выражало идею субъектности природы задолго до создания основ экологической этики О. Леопольдом, возникновения биоэтики и современных разновидностей экоцентрического мировоззрения.

Так, В.С. Соловьев в своей статье «Еврейство и христианский вопрос», опубликованной в 1884 г. в журнале «Православное обозрение», писал: «Когда своекорыстие не будет царить в общественных отношениях между людьми, оно перестанет господствовать и в отношениях человека к природе. И в теократии материальная природа будет служить человеку, и гораздо больше, чем теперь, но это служение будет основано на

обоюдной любви. Природа с любовью подчинится человеку, и человек с любовью будет ухаживать за природой» [2].

В неявном виде теистические основания идеи субъектности природы проявляются в философских трудах ученых и мыслителей советской эпохи. Так, С.Л. Рубинштейн в философской книге «Бытие и сознание» (1957) писал: «Исходный реальный субъект всех “онтологических” понятийных характеристик это Мир, Космос, Вселенная» [3]. Идею субъектности природы советский психолог развивает не только в философских сочинениях, но и в трудах по психологии. В книге «Проблемы общей психологии» он пишет, что сведение «бытия только к вещиности» ложно и опасно... Ведь «если... состав объективного бытия сводится только к предметности, к вещиности, из него исчезает сознательный субъект, личность, люди». «Вышележащие» уровни бытия, в том числе человек-субъект, дезонтологизируются. И тогда даже «из учения о категориях», в том числе даже из учения о действительности, выпадает человек». «Человек как субъект должен быть включен в состав бытия (и соответственно категориальную систему философии)... как субъект жизни» [4].

Идеи С.Л. Рубинштейна о субъектности человека и природы имеют значение не только для экологического сознания, но и для понимания отношения человека и мира вообще: «Стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, но и о мире в соотношении с человеком как объективном отношении» [4]. Можно сказать в связи с этим, что предметом и основным вопросом философии и мировоззрения является не только отношение человека к миру, но и отношение мира к человеку. И еще до того, как было сказано, что «биоэтика спасла философию», путь к этому спасению указали мысли советского ученого, выраженные в материалистической форме, но в глубинном основании которых видится теоцентрическое миропонимание.

Исходя из вынужденно скрываемых в советский период теистических взглядов и, опираясь на идеи С.Л. Рубинштейна, кон-

цепцию субъектности природы развивал философ Г.С. Батищев. По свидетельству А.Н. Кочергина, еще в 1961 г. Батищев в частной беседе высказывал ему мысль о том, что к природе нужно относиться не только как объекту, но как субъекту. Позже, в депонированной рукописи «Введение в диалектику творчества» (1984) он воплощает этот принцип в концепции глубинного общения человека и мира, природы и человека, в которой закладываются, в частности, философские основания экологизации науки.

«Ныне всякая сколько-нибудь серьезная «лестница» проблем приводит к проблемам глобальным и универсально-экологическим. Ни одна сфера культуры, ни одна существенная отрасль науки не остается в стороне от общего движения, ставящего нас лицом к лицу со всей природой, со всей Вселенной как великим партнером, с которым мы еще не научились, — но должны! — быть в отношениях взаимности и взаимодействия на всех уровнях бытия. Сегодня усваивать диалектику — это значит также способствовать *экологизации* науки, нашего кругозора, наших ценностей» [4]. При этом, говоря об отношениях взаимности с природой, Батищев ссылается на книгу «Современные проблемы взаимодействия общества и природы» (1974) другого советского философа — Ю.К. Плетникова.

Очень важной в методологическом отношении и в связи с обсуждаемой нами проблемой является разработка Г.С. Батищевым философских оснований теории гармонической системы. В цитируемой здесь книге он показывает, что господствующие в науке системные идеи относятся преимущественно к органическим, а не гармоническим целостностям. Органические системы, не обладающие субъектностью и внутренней свободой своих элементов, ограничены и в возможностях своего развития и сохранения собственной целостности.

«Только вся эта органическая система в целом... может притязать здесь быть *субъектом* своего саморазвития.

Иначе обстоит дело внутри *гармонической* системы. ...Степень их [содержаний]

своеобразия достаточно велика, чтобы дать возможность каждому содержанию быть *субъектом* своего саморазвития. Тогда как внутри органической системы субъектность у всякого входящего в него содержания подвергается неизбежной редукции к некоторым объектным, точнее – к объектно-вещным формам (например, ролевым), – внутри системы *гармонической*... такой редукции нет. Поэтому здесь возможны отношения между другими субъектами без преобладания, без привилегий, без монополии для одних и без отрицания других, а тем самым и первых» [4, с. 48].

Разработка и применение теории гармонической системы будет иметь значение для решения проблемы субъектности не только природы, но также культуры и техники, к чему мы еще вернемся. Теория гармонической системы, иначе именуемой полифонической, рассматривается нами и как одно из оснований разрабатываемого системно-диалогического (или системно-синергического) подхода, о чем говорилось в статье, опубликованной в «Вестник МГУЛ–Лесной вестник» № 5(97), 2013 .

Выражая суть гармонического отношения человека и мира формулой S–O–S, Батищев отмечает, что ей исторически предшествуют формула S–O, выражающая антропоцентристский взгляд, и альтернативная ей идея человека как объекта по отношению к природе как субъекту: O–S. При этом он ссылается, прежде всего, на работы И.Б. Новика.

Труды Г.С. Батищева и И.Б. Новика, а также частные беседы с ними, вероятно, повлияли на формирование взглядов одного из авторов настоящей статьи на отношения человека и мира. Они воплотились в принципе субъект-субъектных отношений человека и природы, получившем разработку в работе, впервые опубликованной в 1991 г. и перепечатанной в «Лесном вестнике» в 2011 г. Здесь идея субъектности природы рассматривается как методологическая подстановка, в которой воплощается нравственно-понимающее отношение к природе, уже отмечавшееся в литературе.

«Антропный принцип в научном познании и неантропоморфная метатехника формируют отношение человека к миру объектов как к **своему** иному, причем не в метафизическом противопоставлении разумной и неодухотворенной материи, не в противостоянии субъекта объекту, а в диалектическом понимании его как **иного** субъекта. На этой основе может возникнуть новое, субъектно-субъектное нравственно-понимающее отношение людей к явлениям природы. При этом реальным субъектом этого отношения является человек, независимо от того, верит ли он в реальность существования стоящего за этими природными явлениями сознательного субъекта или нет» [5].

Идея субъектности природы получила дальнейшую разработку в учебнике «Основы экологической этики» (2008), изданного под эгидой ЮНЕСКО в Минске (руководитель международного коллектива авторов Т.В. Мишаткина). Среди принципов и императивов экологической этики идея субъектно-субъектных отношений с природой ставится здесь на первое место.

«Принцип субъект-субъектных отношений человека и природы – безусловно, важнейший принцип экоэтики, связанный с неантропоцентристским отношением человека к природе и вытесняющий традиционные отношения, в которых природа воспринималась как *объект*: объект воздействия, использования и даже заботы. Этико-методологическим основанием данного принципа является ориентация на общение человека с миром природных явлений как с *Иным субъектом*» [6].

И все же, несмотря на то, что данный принцип получил за последние четверть века определенное признание, остается распространенным его непонимание и неприятие. Некоторые отечественные и зарубежные философы подвергают идею субъектности природы и наделение ее ценностными характеристиками резкой критике. Так, В.А. Канке, критикуя идеи О. Леопольда и Х. Ролстона, III о том, что природа сама в себе содержит свое ценностное начало, пишет: «Сама по себе природа не обладает ценностями и не

ставит перед собой каких-либо целей. Это хорошо известно из естествознания. Когда же ценности приписываются самой природе, то совершается антропологическая ошибка, ибо человек навязывает свою собственную специфику природе и тем самым уподобляет ее себе. Налицо грубый методологический прием – интерпретация специфики природных систем по аналогии со своеобразием человека» [7].

Такого рода критика основана на объективистском отношении к природе, исключаящем, по сути, диалогику как методологию ее освоения человеком. Отвергая «антропоцентризм в его негативных качествах» [7], В.А. Канке считает, что «прагматические природоориентированные науки не возрождают антропоцентризм, а преодолевают его единственно возможным образом» [7]. Если прагматизм – единственная альтернатива антропоцентризму, то с этой точки зрения возможна лишь одна формула отношений человека и природы: S–O, общая для этих мировоззренческих установок. Они различаются лишь степенью принуждающего воздействия субъекта (человека) на объект (природу).

Поэтому, как бы ни преуспевал человек в способности «воплощать в ней свои собственные, надприродные ценности... благодаря таким прагматическим наукам, как экология», все более новые и мощные средства овладения природой будут неизбежно разрушать ее все более масштабно и глубоко. И в той мере, в какой человек принадлежит природе, он будет разрушать и свою натуру. А в той мере, в какой отказывается от изначально присущего человеку духовного общения с природой, он будет продолжать уничтожать и свою духовность. Общество и природная среда будут не партнерами, а противоборствующими сторонами, какими бы благими намерениями и высокими «собственными надприродными ценностями» мы ни руководствовались.

Но апелляции к будущему и к мировоззренческим, нравственным и философским идеям не могут служить объективными аргументами в споре. Тем более, когда

речь идет о полемике с позицией, согласно которой экологами «не следует надеяться на философов, равно как и на теологов, а надо положиться на свои собственные силы», и что необходимо не сообразование экологии с этикой, а «приспособление традиционных этических систем к нуждам экологии» [8]. В этом, по Канке, состоит переход «от экзогенной к эндогенной экоэтике».

В теоретических дискуссиях главное – не победа одной стороны над другой, а достижение взаимопонимания и преодоление слабостей в каждой из позиций. Поэтому, говоря о диалогическом, субъектно-субъектном отношении к природе, общении с ней, следует уточнить понятия. Оставляя обсуждение понятия ценностей в отношении к природе для других публикаций, попробуем здесь внести уточнения в соотношение терминов «субъект» и «субъектность». В этом отношении представляется конструктивной точка зрения С.П. Никанорова. Приведем его определения обсуждаемых понятий:

«**Субъектом** называется пара, состоящая из **субъектности** и **носителя субъектности**...

Субъектность представляет собой сложное понятие, атрибутами которого являются **выбор, интересы субъекта, возможности субъекта и отношение между интересами и возможностями**» [9].

Является ли природа носителем субъектности? Если мы настаиваем на субъектности природы, то, казалось бы, положительный ответ очевиден. Но он противоречит определению носителя субъектности, которое дает С.П. Никаноров: «Носителем субъектности может быть физическое лицо, группа физических лиц, юридическое лицо, которое может быть одним лицом, группой лиц, организацией, которая выступает как целое. Сами по себе физическое лицо, группа лиц, организация, юридическое лицо без субъектности не являются ни носителями субъектности, ни субъектами. Субъектами они становятся постольку, поскольку сами наделены или располагают субъектностью» [9].

Согласно этому положению, субъектом может быть только человек, группа (общество) людей, человечество в целом, а природа является всеобщим субъектом лишь потому, что включает в себя человека. Но тогда межсубъектное общение человека и природы, субъект-субъектное отношение общества к природной среде сводится к отношениям между людьми. В чем тогда смысл различения субъектных конструктов – субъектности и ее носителя? Не гипотизируем ли мы абстракцию, можно ли себе помыслить существование субъектности без того, на чем она реализуется?

Автор рассматриваемого подхода, относящегося к теоретико-системным конструктам, предлагает уйти от тех философских вопросов, которые мы здесь поставили: «Разработка теоретико-системных конструктов ориентирована на решение прикладных задач. Поэтому следует оставить в стороне философские вопросы «об отношении человека и мира...» [9]. Но нам представляется, что понятия конструктов помогут разобраться и в мировоззренческих, и методологических аспектах нашей проблематики.

Трудности, с которыми мы сталкиваемся, связаны с такими отношениями человека и мира, которые не сводятся к отношениям частей внутри целого и отношениям части и целого. Первые, согласно определению А.Ф. Лосева, составляют предмет формальной логики, вторые – предмет феноменологии. Предметом же философии, диалектики являются отношения между целостностями. Существуют и такие теории систем (например теория холонов), которые рассматривают отношения элементов и системного целого как межсистемные. Конструкты же, о которых мы говорили, есть части, не выступающие в качестве целостных образований, систем.

Можно сказать, что представление о природе, противостоящей человеку и обществу как лишенная разума, свободы воли, духовности, есть бессубъектный конструкт, который создает и которым может располагать разве только Творец до последнего дня творения, когда был создан человек. С точки

зрения христианства, как и современной науки, мир, в котором нет носителя свободной воли, не может существовать как устойчивая вселенная. Уже основоположники марксизма утверждали, что материальный мир не может существовать без мыслящего духа. Но доставшиеся нам от эпохи Просвещения теории, не нуждающиеся, по словам Лапласа, в гипотезе Бога, до сих пор питают иллюзии природы, способной существовать и без человека.

На наш взгляд, носителем субъектности и, следовательно, всеобщим субъектом, по словам С.Л. Рубинштейна, является мир в целом. В отличие от частного, локального субъекта в лице человека, он обладает не локальностью благодаря распределенным в природе проявлениям субъектности, привносимой бесчисленным множеством ее локальных носителей. Природные же системы, являющиеся локальными, конечными, могут быть бессубъектными или обнаруживать признаки субъектности, носителями которых являются общество, человек или, в религиозных учениях, прежде всего – Бог Творец. Однако взятые «сами по себе», локальные природные конструкты могут быть лишь виртуальными носителями субъектности и, соответственно, *виртуальными* субъектами. В этом смысле мы и говорим о методологической *подстановке* сопряженного Иного как носителя субъектности в природе.

Особо следует выделить такие конструкты, как вторая природа, т. е. искусственный мир, и природную среду, т. е. включенную в сферу человеческой жизнедеятельности часть природы. Они, как технические и техноподобные конструкты, по определению Никанорова, являются субъектно-объектными системными конструктами. Здесь бессубъектные конструкты становятся объектами, став стороной в отношениях с конструктами субъекта. Добавим, что и субъект конституируется, став стороной в отношениях с бессубъектным конструктом.

С позиций разработки и применения теоретико-системных конструктов, субъект-субъектные отношения и соответствующие

системные конструкты могут иметь место только в человеческом обществе. В нашем же аспекте – философском и связанном с экологическим мировоззрением, субъект-субъектные отношения возможны и в отношениях с природой как целым и с теми или иными ее частями, обнаруживающими проявления субъектности.

Причем, если речь идет об искусственных или измененных человеком природных конструктах, то человек частично переносит на них свою субъектность, делая их ее виртуальными носителями. Но, чтобы стать виртуальными субъектами, эти конструкты должны стать стороной в отношениях с бессубъектными частями социоприродного целого. Ими могут выступать локальные природные образования или, с другой стороны, люди. И чем большую долю своей субъектности человек передает второй природе или природной среде, тем в большей степени он становится бессубъектным конструктом и потенциальным объектом для виртуального субъекта. Но последний, в результате превращения человека в его придаток, теряет источник своей субъектности и сам становится бессубъектной самодействующей машиной. Итогом этого циклического процесса может быть утрата человеком последних остатков своей свободы, а природой (и вместе с ней человеком и обществом) – своего бытия, о чем говорил М. Хайдеггер. И, в конечном счете, будущее мира предстает в том виде, который рисовал Ж. Бодрийар: это имплозия (втягивание, «всасывание») в виртуальность, в которой не будет ни материи, ни духа, ни человека, ни Бога, а останутся лишь ничего не значащие символы и знаки – пустые элементы, совершающие бессмысленное кругообращение.

Если нас не устраивает подобная перспектива, нужно защищать человека и природу в их субъект-субъектном общении и партнерском единстве. А это значит – защищать их *права*, что предполагает не только философский и нравственно-этический аспект рассмотрения проблемы отношения человека и природы, но и правовой, юридический.

В этом отношении в национальных и международных системах права, в мировой правоприменительной практике сделаны лишь первые шаги. Примером защиты прав природы на глобальном уровне может служить Всемирная декларация прав животных, утвержденная в штабе ЮНЕСКО в 1978 г., пересмотренная в 1989 г. и опубликованная Международной лигой прав животных в 1990 г. [6]. Но этот текст является именно декларативным и не является официальным документом. Принят также ряд конвенций по защите живого в природе, не являющихся, однако, документами, защищающими *права* живого. То же можно сказать и о национальных актах защиты живого природных экосистем, в т. ч. принятых в РФ. Что же касается неживой природы, природной среды в целом, то о юридическом закреплении ее прав речи либо не ведется, либо такие идеи не принимаются юристами и законодателями всерьез. Экологическое право как на национальном, так и на международном уровне, защищает, в лучшем случае, права человека по отношению к природе, рассматривая природную среду и живых существ лишь как объекты права, в частности, объекты собственности. Чем это объясняется?

Причина практического отсутствия юридической защиты прав природы заключается в том, что она не является субъектом права. Действительно, и ребенку понятно, что природные системы и животные существа не могут отвечать перед обществом и государством за совершаемые ими действия по законам, установленным людьми. Но можно задать вопрос: почему существует защита прав ребенка, не обладающего, до достижения определенного возраста, правосубъектностью, но нет юридических оснований для защиты прав природы? За деяния ребенка отвечают взрослые – родители или опекуны. А кто должен отвечать не только перед обществом, но и перед природой, за то, что происходит в окружающей среде в результате нелокальных, распределенных и потому обезличенных, воздействий на нее человека и общества? Природа – не субъект права, и перед ней никто не ответствен

в юридическом смысле – примерно такова позиция защитников правовой системы от предложений и требований по защите прав природы.

Попытки разработки международных актов по защите прав природы, пока что декларативных, предпринимаются и на уровне ЮНЕСКО. Так, в «Декларации принципов, касающихся изменения климата», разрабатываемой уже несколько лет в рамках этой всемирной организации, предлагается дополнить принцип защиты прав человека, закрепленный во Всеобщей декларации прав человека, «признанием и обоснованием **защиты прав природы**. Оспариваемый рядом специалистов, он должен предполагать заботу человека как мыслящего и наделенного речью существа о соблюдении **основных прав природы и природных объектов** как их *право на жизнь; на естественную свободу и благополучие в естественной среде обитания; на необходимую для их жизни долю земных благ; на защиту от страданий по вине человека (право не подвергаться нанесению повреждений, не испытывать боль, страх, стресс); на отсутствие ответственности перед человеком*» [10].

На наш взгляд, отсутствие правосубъектности у природной среды, живых существ и экосистем не означает отсутствия у них отношений правообладания. Эти вопросы требуют дальнейшей теоретической разработки в плане обоснования наличия прав у природы, живых существ и естественных систем, переосмысления понятий субъектности природы не только в философском плане, но также в нравственном и правовом аспектах.

Говоря об экологической и правовой культуре, нельзя не вспомнить о том, что и культура в современном обществе оказывается в бесправном положении. Так, внесенный Россией в ЮНЕСКО проект «Декларации прав культуры», разработанный юристами, философами и культурологами на основе документа, написанного в 90-е годы академиком Д.С. Лихачевым, был отклонен. Основание – то же, что и в отношении

прав природы: культура неправосубъектна, она может быть только объектом правовых отношений. Речь может, мол, идти только о правах человека в отношении культуры. Эти вопросы разрабатываются в литературе, обсуждаются в отечественных юридических изданиях в том числе.

На наш взгляд, к постановке и поиску решения проблемы прав культуры, в том числе экологической, могут быть применены подходы, рассмотренные в настоящей статье, но эти вопросы требуют самостоятельного рассмотрения.

Из изложенного в отношении проблемы прав природы могут быть сделаны следующие выводы. Основными идеями, которые позволяют поставить проблему субъектности и защиты прав природы и искать пути ее разрешения, являются следующие положения.

1. Природа в целом заключает в себе человека как носителя субъектности и предстает исходным и всеобщим реальным субъектом мирового процесса.

2. Человек может рассматривать природные объекты и системы как якобы являющиеся носителями субъектности и могущие быть субъектами и, на основе этой методологической подстановки, вступать с ними в партнерские отношения.

3. Субъектность может принадлежать как ее носителю, так и атрибутам человека и общества или объектам их деятельности.

4. Локальные природные системы и их части, объекты сам по себе обладают лишь виртуальной субъектностью, перенесенной на них человеком, и являются мнимыми субъектами.

5. Субъектность, перенесенная обратно с объекта на носителя, делает последнего объектом, придатком бессубъектной самодействующей системы.

6. Традиционное понимание юридической неправосубъектности природы не означает отсутствия у нее способности к правообладанию и субъектности вообще. Ответственным субъектом этих прав и свобод выступает человек как носитель субъектности.

Библиографический список

1. Фалько, В.И. Типология экологических воззрений / В.И. Фалько // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2013. – № 5(97). – С. 58–67.
2. Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – С. 206–256.
3. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
4. Батищев, Г.С. Введение в диалектику творчества / Г.С. Батищев. – СПб.: РХГИ, 1997. – 464 с.
5. Фалько, В.И. Этические перспективы экологического сознания / В.И. Фалько // Экологические проблемы в условиях перестройки // Сб. тр. Вып. 11. – М.: ВНИИСИ, 1991. – С. 23–29.
6. Экологическая этика: учебное пособие / Т.В. Мишаткина, С.П. Кунде, Р.Г. Аapresян, А.В. Барковская и др.; под общ. Ред. С.П. Кундаса и Т.В. Мишаткиной. – Минск: МГЭУ им. А.Д. Сахарова, 2011. – 278 с.
7. Канке, В.А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь / В.А. Канке. – М.: Омега-Л, 2008. – 328 с.
8. Канке, В.А. Современная этика: учебник / В.А. Канке. – М.: Омега-Л, 2007. – 394 с.
9. Никаноров, С.П. Теоретико-системные конструкты для концептуального анализа и проектирования / С.П. Никаноров. – М.: Концепт, 2008. – 312 с.
10. Мишаткина, Т.В. Эколого-этические аспекты глобального изменения климата / Т.В. Мишаткина // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2011. – № 2 (78). – С. 7–12.

THE PROBLEM OF NATURE'S RIGHTS AND LEGAL PERSONALITY

Falko V.I., Prof. MSFU, Ph.D. (Philosophy); Lukmanov R.R., pg., MSFU

vfalco@yandex.ru, caf-phil@mgul.ac.ru

Moscow State Forest University (MSFU) 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytishchi, Moscow reg., Russia

The ideas of protection of nature and that of partnership relations between people and natural environment raise the question of nature's rights and its legal personality. The jurisprudential notion of legal personality cannot be used as far as nature is concerned; so, it excludes nature's rights and any partnership relations between people and nature. Scientific objectivism which forms the basis of anthropocentrism also rejects the ideas of subject-subject relationship between people and nature and that of the protection of nature's rights. Nature-oriented scientific approach which makes people and nature equal denies individual's legal personality. These antagonistic approaches converge in technocentrism and in ecological and ethical nihilism which downplays people's responsibility for the protection of nature. The authors' point of view is based on the alternative approaches, i.e., theocentric approach in philosophy and ethics, eco-centric approach in ecological ethics, anthropic principle in science, a concept of implicated communication developed by G.S. Batischev and S.P. Nikanorov's concept of a legal person as a couple which consists of a legal personality and its repository represented by an individual or a community of people. The main ideas of the authors' conception are: 1) Nature involves an individual as a legal personality repository and, thus, it becomes an original and universal legal person of the global processes. 2) An individual can consider environmental objects and systems to be some would-be legal personality repositories or some would-be legal persons and, as a result, can build up some partnership relations with them. 3) Legal personality may belong both to its repository and to some attributes of an individual or a community, or to some objects to which their activity can be directed. 4) An object on its own has only a virtual legal personality transferred on it by an individual and, thus, it is an imaginary legal person. 5) Legal personality which is transferred back from an object on its repository makes the latter an object or an appendage of a subjectless self-actuated system. 6) The traditional conception that nature lacks legal personality doesn't mean that it really lacks legal capacity and legal personality, in general. A responsible legal person who provides nature's rights and liberties is only an individual as a legal personality repository.

Key words: theocentric approach, eco-centric approach, legal personality, a legal personality repository, anthropic principle, a concept of implicated communication.

References

1. Fal'ko, V.I. *Tipologiya ekologicheskikh vozzreniy* [Typology of environmental views]. Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik. 2013. № 5 (97). pp. 58–67.
2. Solov'ev, V.S. *Soch. v 2 t. T. 1* [Works in 2 v. V. 1.]. Moscow: Pravda, 1989. pp. 206–256.
3. Rubinshteyn, S.L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. St. Petersburg: Piter, 2012. 288 p.
4. Batischev, G.S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the dialectic of creativity] Sanct-Petersburg: Izd-vo RKhGI, 1997. 464 p.
5. Fal'ko, V.I. *Eticheskie perspektivy ekologicheskogo soznaniya* [Ethical perspectives of ecological consciousness] *Ekologicheskie problemy v usloviyakh perestroyki. Sb. trudov. Vyp. 11.* [Environmental problems in terms of restructuring. Coll. works. Vol. 11]. Moscow: VNIISI, 1991. pp. 23–29.
6. *Ekologicheskaya etika: ucheb. Posobie* [Environmental Ethics: a tutorial]. Minsk: MGEU, 2011. 278 p.
7. Kanke, V.A. *Filosofiya nauki: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy of science: a brief encyclopedic dictionary] Moscow: Omega-L, 2008. 328 p.
8. Kanke, V.A. *Sovremennaya etika: uchebnik* [Modern ethics: a textbook] Moscow: Omega-L, 2007. 394 p.
9. Nikanorov, S.P. *Teoretiko-sistemnye konstrukty dlya kontseptual'nogo analiza i proektirovaniya* [Theoretic system constructs for conceptual analysis and design] Moscow: Kontsept, 2008. 312 p.
10. Mishatkina, T.V. *Ekologo-eticheskie aspekty global'nogo izmeneniya klimata* [Ecological and ethical aspects of global climate change]. Moscow state forest university bulletin–Lesnoy vestnik, 2011. № 2 (78). pp. 7–12.